

УДК 159.923.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-88-99

«РУССКИЙ КОММУНИЗМ» КАК ПОИСК РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

Тимошин А.С.

Ульяновский государственный технический университет

432037, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются взаимовлияние и связь двух феноменов: «русского коммунизма» и «русской идентичности». Целью этой статьи являются анализ и описание свойств, характеристик, особенностей проявления феномена русской идентичности в период «русского коммунизма» в России (СССР), который рассматривается как этап исторического творчества и попытка претворения идеалов коммунизма в действительность. Автор приходит к выводу, что русская идентичность, волею исторических судеб соединившись с нежизнеспособной в своей сущности марксистской догмой, «оживила» русский коммунизм своей творческой самобытностью и продемонстрировала миру альтернативный путь эволюции человечества, накопив как позитивный, так и негативный опыт процесса и результатов исторического творчества.

Ключевые слова: русский коммунизм, русская идентичность, историческое творчество, социальные справедливость и гармония, устремленность в будущее.

“RUSSIAN COMMUNISM” AS A SEARCH FOR RUSSIAN IDENTITY (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION)

A. Timoshin

Ulyanovsk State Technical University

32, Severniy Venec st., Ulyanovsk, 432037, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the mutual influence and connection of two phenomena: “Russian communism” and “Russian identity”. The purpose of this article is to analyze and describe the properties, characteristics, features of the manifestation of the phenomenon of Russian identity in the period of “Russian communism” in Russia (the USSR) which is regarded as a stage of historical creativity and attempts to translate the ideals of communism into reality. The author comes to the conclusion that Russian identity due to historical reasons merged with Marxist’s non-viable dogma and turned into the Russian communism the creative originality of which demonstrated to the whole world an alternative way of mankind’s evolution as well as both positive and negative experience of the process and the results of historical creativity.

Key words: Russian communism, Russian identity, historical creativity, social justice and harmony, aspiration for the future.

Для проведения обозначенного исследования, выявления особенностей феномена русской идентичности в период русского коммунизма нами выбран социологический роман «Русская трагедия (Гибель утопии)» известного учёного-логика и социолога А.А. Зиновьева [2], который интересен не только оригинальной формой представления научных результатов социологического исследования в форме романа [4], но и личностью и судьбой самого автора. Вся научная и творческая жизнь А. Зиновьева была поделена на два периода, один из которых был посвящён критике «реального коммунизма» в СССР, а второй – в эмиграции – защите его явных преимуществ на фоне западного образа жизни. Для Зиновьева как для социолога и важнее всего как для человека и «романтика коммунизма» русская идентичность навсегда осталась связанной с русским коммунизмом как мировым историческим феноменом, идеалом и мечтой, исторической романтикой, которой жили миллионы, и свидетелями и участниками которой они являлись, переживая все его достижения, весь позитивный опыт. В своей последней работе, социологическом романе «Русская трагедия (Гибель утопии)» [2; 5] А. Зиновьев делает сравнительный анализ русского коммунизма с «постсоветизмом» (термин Зиновьева), установившимся после перестройки, анализирует причины гибели русского коммунизма, перспективы развития России, и, что важно для нашего исследования, указывает на особые свойства русского национального характера, русской идентичности, её особенностей, которые ярко проявили себя в переломный

для русской истории момент, период строительства советского общества, который Зиновьев называет периодом «русского коммунизма».

То, что Зиновьев признавал существование феномена идентичности у различных народов, наций, становится понятным из некоторых его суждений. Например: «Народы различаются по интеллектуальному уровню, по степени предприимчивости, по степени самоорганизации и многим другим признакам, играющим огромную роль в организации управления, в экономике, в овладении современной технологией и так далее» [1]. Зиновьев также утверждает факт существования национального характера и называет механизмы его сохранения: биологическая и социальная наследственность и искусственный отбор в виде системы воспитания, культуры, идеологии, религии, моральных норм и других социальных факторов [1]. Кроме того, он ставит в прямую зависимость особые свойства и характеристики национальной идентичности как от возникновения, так и от возможности решения многих социальных проблем данной нации.

Таким образом, концепт «идентичность нации» может рассматриваться, по Зиновьеву, по многим критериям: духовному, идеологическому, культурному, государственному, политическому, экономическому, социальному, цивилизационному, историческому, психологическому (национальный характер) и др.

Основным методом настоящего исследования является анализ социологического романа А. Зиновьева в предложенной парадигме и логике: выделение и систематизация авторских

взглядов и оценок «русского коммунизма» по предложенным выше критериям, и через этот анализ экспликация понимания феномена «русской идентичности». Попробуем проанализировать русскую идентичность периода русского коммунизма (1917–1991 гг.) по некоторым из них.

С идеологической точки зрения русская идентичность периода русского коммунизма имеет своим источником классический марксизм (К. Маркс, Ф. Энгельс), перерабатывается В.И. Лениным применительно к российским условиям (ленинизм), вульгаризируется И.В. Сталиным (сталинизм), ослабевает во время критики культа личности Сталина и вступает в полосу кризиса, наконец, терпит крах, заканчивая своё существование в качестве государственной идеологии при разрушении советской системы власти. Идеология «коммунизма» сыграла свою роль идеала справедливого устройства жизни, стремления к социальной правде, предложила новый исторический смысл существования всему человеческому сообществу, в том числе русскому. Зиновьев называет *устремленность в будущее* одним из основных качеств русской идентичности, т. к. идеологически русская идентичность устремлена и живёт в лучшем будущем [2, с. 7]. Люди «жили в коммунистическом будущем» лишь ментально, но от того, что эта жизнь была наполнена верой в коммунистическое будущее, вся реальная жизнь становилась *огромным социальным порывом* к работе для этого будущего.

И хотя реальный коммунизм сильно отличался и даже противоречил идеологическому, «догматическому» коммунизму, опыт построения перво-

го в мире социального (социалистического) государства при действии феномена русской идентичности продемонстрировал всему миру безусловные достоинства и достижения России (СССР). И здесь проявилось особенное свойство русской идентичности – «перерабатывать» любое новое по форме учение и идеологию в своё, со свойственным русским содержанием: «У нас, русских, всё получается не по теории. Что бы мы ни строили, у нас все получается по-русски, а не по социальным законам» [2, с. 14]. Высокая способность к историческому творчеству заставила русский коммунизм, зародившись, складываться во многом совсем не так, как рассчитывали революционеры и идеологи. «Он возник в результате исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще понятия не имели о марксизме, либо знали о нём весьма смутно и истолковывали на свой лад. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский “проект”» [2, с. 4, 8].

Тем более удивительным является исторический феномен, когда нежизнеспособная догма идеологического марксизма, «оживленная» специфической русской идентичностью, дала такие результаты в реальном русском коммунизме: гарантированное бесплатное образование по выбору в соответствии со способностями и склонностями, хорошо или достаточно оплачиваемая работа по профессии, оплачиваемый отпуск, бесплатное медицинское обслуживание, путёвки в дома отдыха и в санатории, дружеское общение в коллективе, совместные мероприятия, вечера, туристические походы, почти никакой бюрократиче-

ской волокиты, бесплатное получение квартир. Зиновьев отмечает, что ценность всех перечисленных социальных условий будет осознана лишь со временем [2, с. 1, 2].

С культурной точки зрения Зиновьев отмечает русскую идентичность как необычайный мировой феномен, давший миру свидетельство *необычайной даровитости русского народа*, которая явилась в полную мощь как следствие культурной революции, совершенной в России в период русского коммунизма. Открылся совершенно свободный, поощряемый и даже насаждаемый властью доступ к образованию и культуре. Развитие и укрепление советской системы образования привело к возрастанию её авторитета на международной арене. Советская система образования скоро становится лучшей в мире, отмечает Зиновьев. Советская нация отмечается в международных исследованиях периода русского коммунизма как самая читающая нация в мире. Книга становится неотъемлемым атрибутом советского образа жизни и русской идентичности. Любовь русской (российской) интеллигенции и русского (российского) народа к книге становится характерной чертой советского периода: «Книга была для нас божеством. Мы были самым читающим народом в мире» [2, с. 2]. Неистребимая тяга и интерес к знаниям, к культуре, способность к творчеству, как только они стали возможны для большинства народа, стали свидетельством ещё одной характеристики русской идентичности периода русского коммунизма.

По государственному критерию Зиновьев указывает на расхождение теории и практики марксизма: марксистский постулат о постепенном от-

мирании государства Зиновьев характеризует как ложный. Государство при коммунизме не отмирает, но, напротив, укрепляется, функции его расширяются так, что оно становится базисом коммунистической социальной организации. Оно становится необходимым средством сохранения целостности общества и управления им как единым целым. *Государство при коммунизме* играет роль центральной нервной системы в организме и превращается в *сверхгосударство*. Государство не столько служит обществу, сколько «общество становится аренной и материалом деятельности государства, сферой приложения его сил, средством удовлетворения его амбиций и потребностей. Государство тут становится монопольным субъектом истории» [2, с. 29]. Исторический опыт построения первого в мире коммунистического общества показал не только ошибочность марксистской догмы об отмирании государства, но и *тяготение к сильной центральной власти* в России как единственное условие для сохранения жизнеспособности государства. Органическое стремление к сильной централизации продемонстрировала также политическая власть КПСС, верховному аппарату которой принадлежала вся её полнота, и которая осуществлялась по принципу соподчинения, хотя иллюзия народовластия всячески стимулировалась и сохранялась через множество сопутствующих общественных форм самоуправления: комсомол, профсоюзы, советы народных депутатов и др.

При стремлении к централизации логичным явлением для русской идентичности периода русского коммунизма стала *экономика*, которая при-

обрела качества *планово-командной и государственной* в противовес рыночной и частной. Характерным также явилось стремление к *социально оправданной экономике и хозяйству*. Советская экономика постепенно сложилась в совокупность «государственных клеточек» – предприятий, внутренняя цель которых была направлена на удовлетворение материальных (хозяйственных) потребностей государства и самых необходимых, можно сказать, минимизированных потребностей народа. Все эти «клеточки», которые функционировали по единому государственному плану, были организованы по принципам начальствования – подчинения и насыщены многочисленными социальными (неделовыми) функциями идеологии и коллективизма: «На Западе это называли командной экономикой и считали величайшим злом» [2, с. 82]. Стремление поставить во главу угла приоритеты исторической перспективы и романтики, а экономику сделать вторичной, обслуживающей и выполняющей роль необходимого материального базиса для решения великих исторических задач, является другой важной составляющей характеристикой русской идентичности периода русского коммунизма. Свою способность к творчеству в ведении хозяйства, умению воплощать в жизнь самые огромные по масштабу и смелые по творческому замыслу экономические проекты русская идентичность периода русского коммунизма показала в создании таких отраслей экономики, как космическая, автомобильная, атомная промышленность, самолетостроение, ВПК и др., в которых были достигнуты результаты мирового уровня.

Характеризуя русский коммунизм по социальному критерию, Зиновьев обращает внимание на *гарантии социальных прав*, на действие принципа *социальной справедливости* и на характер *социальных отношений*. Советские граждане получили минимум необходимых для жизни социальных гарантий и прав: на оплачиваемую работу, на отдых, на бесплатное медицинское обслуживание, на образование, на жильё, на питание, на личную безопасность, на пенсию по старости и инвалидности. Эти нормы, как отмечает Зиновьев, были реализованы в советском обществе и «общество социальной справедливости было построено фактически» [2, с. 80]. В социальном плане резко сократился разрыв беднейших и привилегированных слоев. Этот разрыв соотносился как 4 к 1 [2, с. 1] в сравнении 30–40 к 1 в современной России. К недостаткам социального плана при построении реального социализма-коммунизма в советском обществе нужно отнести, по мнению Зиновьева, тот факт, что за соблюдение этих прав и гарантий часто приходилось *сражаться в индивидуальных битвах, где все против всех*. Например, работа гарантирована, но часто не та, на какую претендует человек. Жильё гарантировано, но часто всего лишь коммуналка или комната в общежитии, а не комфортабельная квартира. Причём в социальном отношении «распределение доминирует над производством, так что это общество можно назвать *распределительским*» [2, с. 35].

К несомненным социальным достижениям русского коммунизма Зиновьев относит факт *высокой социальной мобильности* по подъёму из низших сло-

ев в высшие: «Дети рабочих и крестьян в огромном числе получали среднее и высшее образование, становились инженерами, врачами, учителями, профессорами, офицерами, чиновниками, учёными, артистами и т. д.» [2, с. 12]. Основными факторами движения вверх по социальной лестнице при коммунизме являются образование, квалификация, личные способности, факторами «вспомогательными» – личные связи (протекция), в том числе родителей, иногда карьеристская ловкость. Но в основном человек оценивался и продвигался по личным качествам. К этому очень быстро привыкли и перестали замечать, а воспринимали как данность «от природы» [2, с. 10]. Заметив, что это *качество социальных отношений* стало для русской идентичности «*природным*», Зиновьев указывает на её коннотативность, сущность изначальному сущностному смыслу и *стремлению русской идентичности к социальной справедливости и социальной гармонии*.

Социальные преобразования русского коммунизма стали, по мнению Зиновьева, *основным побудительным фактором к творческой составляющей* русской идентичности. Все взлёты и достижения русской культурной, научной и технической работы стали возможными, считает Зиновьев, лишь вследствие социальных преобразований – успехи в покорении космоса, в создании ракетного и ядерного оружия, в самолетостроении: «А за этим всем стояло возникновение новых категорий людей, нового образа их жизни, системы ценностей ... тонуса жизни, устремлений и т. д. Это был огромный жизненный подъём, взлёт, порыв» [2, с. 31]. Именно условия со-

циализма позволяли сосредоточить огромные материальные ресурсы и вдохновить людей на решение необходимых масштабных задач, которые часто невозможно решить в условиях рыночных отношений.

Основным феноменом в *социальных отношениях*, сформированных русским коммунизмом, Зиновьев называет *коллектив*: «...иллюзия того, что власть в стране принадлежит народу, была всеподавляющей иллюзией тех лет» [2, с. 12]. *Коллективизм* как свойство русской идентичности выражался в предельном демократизме общения, в регулярном приёме гостей. Сегодня «*феномен “домашних” объединений исчез*» [2, с. 3]. «Оказалось, что он был специфически советским. Для него нужны были люди со сходным уровнем и типом культуры, с обеспеченным материальным положением, без особых карьеристских склонностей, до известной степени удовлетворённых своим положением в обществе» [2, с. 3]. Разрушение коллективизма Зиновьев считает самой ощутительной потерей для русской идентичности, т. к. разрушение советских коллективов стало базовой основой для возникновения остального беспредела в новой российской действительности 90-х гг. XX в.: человек без «контроля своего ближайшего окружения» становится «беспредельщиком» по сути [2, с. 4].

Период осуществления «русского коммунизма» в *цивилизационном смысле* показал, по Зиновьеву, несколько важных цивилизационных достижений и позиций. Россия (СССР) показала всему миру *новое направление социальной эволюции*. «На этом пути Россия добилась колоссальных успехов. Она нашла решение самых фун-

даментальных социальных проблем, в принципе неразрешимых в рамках западного пути» [2, с. 59]. Советский Союз (Россия) за поразительно короткое (с исторической точки зрения) время развил *колоссальный интеллектуальный и творческий потенциал*, который напугал Запад не меньше, чем потенциал военный. Он стал реальным коммунистическим конкурентом западному варианту эволюции человечества и заразительным образцом для многочисленных народов планеты. Коммунизм стал стремительно распространяться по планете, особенно в результате победы Советского Союза над Германией в войне 1941–1945 гг. Для Запада *резко сократились возможности колонизации планеты* и нависла угроза быть загнанным в свои национальные границы, «что было бы равносильно его упадку и даже исторической гибели» [2, с. 59]. Советский Союз стал второй сверхдержавой планеты с огромным военным потенциалом. Угроза военного разгрома Запада и победы мирового коммунизма стала выглядеть вполне реальной. Сами *западные страны* под влиянием советского («русского») коммунизма вынуждены были усиливать тенденции к *«усвоению целого ряда черт коммунизма»* [2, с. 59].

Таким образом, в неотъемлемое свойство русской идентичности вошёл *опыт построения первого в мировой истории коммунистического общества*, опыт достаточно долгого, совершенно нового эволюционного исторического пути, который стал образцом не только для многих народов планеты, но заставил во многом измениться и западный путь развития и вновь на качественно другом историческом

уровне засвидетельствовал свойственное русской идентичности *мировое цивилизационное влияние*.

Особым историческим процессом и событием, которые «окрасили» весь послевоенный исторический период жизни советского общества, были события и процессы так называемой Холодной войны. Именно этот мировой исторический феномен подвергнут Зиновьевым тщательному анализу. Во-первых, Зиновьев резко критикует основную цель этой войны и говорит, что война не была соревнованием или конкуренцией двух социальных систем. Идеологический «налёт» в противостоянии со стороны Запада скрывал другую истинную цель – разрушение России независимо от её социального строя. Провозглашая ложную цель – уничтожение коммунизма – Запад на самом деле стремился уничтожить Россию. Зиновьев считает, что *русская идентичность была необыкновенно подходящей для коммунизма*, срослась с ним, как с неким сродным себе компонентом, сущностью. Поэтому, когда, по-видимому, разрушали коммунизм, по сути, разрушали русскую идентичность в какой-то её важнейшей части и сущности. Зиновьев озвучивает свой знаменитый тезис: «Целились в коммунизм, а убили Россию» [2, с. 47].

Ненависть к России, желание её порабощения и попытки превращения в колонию начались задолго до революции 1917 г. После революции и неудавшейся интервенции западных держав Запад надолго расстался с надеждой на колонизацию России. Победа СССР во Второй мировой войне «отняла» у Запада пол-Европы и подтвердила опасения идеологов Запада: военным способом Россию не одолеть.

«Холодная война» стала своего рода «психологической обидой» и реакцией Запада на возросшую мощь Советского Союза. Теперь Западом ставилась задача разрушить советское общество идейно, морально и политически. В ход были пущены средства западного разложения: пропаганда секса, интимной сферы кинозвезд и медийных личностей, удержание внимания на сценах преступности, извращённых формах удовольствия, соблазна комфортом и праздным образом жизни, игрой, возможностями скорого и быстрого обогащения путём мошенничества, обмана, грабежа. При этом не забывались и всячески провоцировались национальные и религиозные конфликты. Как отмечает Зиновьев, именно здесь Западом была нащупана слабая часть русской идентичности [3, с. 163, 164]. И в результате вторая сверхдержава мира поразительно быстро капитулировала.

Оценивая самые важные *исторические вехи в развитии России XX в.*, Зиновьев отмечает прежде всего оценочную (критическую) и фальшивую терминологию, насильственно внедрённую в сознание российских и западных граждан. К этой терминологии относятся понятия «чёрный провал в российской истории» (о годах советского строя), «застой» – о брежневском периоде [2, с. 38, 49, 50], «империя зла» – об СССР. Зиновьев называет эти понятия не просто искажением или непониманием исторического пути России (СССР), но прямой и *умышленно-сознательной фальсификацией* советской истории и реальности со стороны Запада. Конечно, соглашается Зиновьев, советское общество не было идеальным, как не было идеальных

обществ во всемирной истории вообще. Оно имело свои недостатки, но достоинства, которые оно продемонстрировало в такой степени и в такой исторически короткий срок, вызвало на Западе бешеную ненависть, зависть и огромный страх перед заразительным примером коммунизма и беспрецедентными успехами Советского Союза.

Характеристика *исторической концепции развития* страны периода русского коммунизма, данная Зиновьевым, очень похожа на современную: идти своим самостоятельным путём, снять цель догоняющей Запад экономики, развивать социальное государство (социальные права и гарантии), прививать людям свою систему коммунистических (сегодня – православных и традиционных нравственных) ценностей, воздействовать своим примером на народы мира, оказывать помощь в национально-освободительной борьбе народам, развивать военную промышленность, укреплять вооружённые силы, проявлять мировую активность с опорой на военную мощь [2, с. 38]. Результатом воплощения этой исторической концепции стало закрепление статуса Советского Союза в качестве *второй супердержавы в мире*.

Размышляя о феномене русского коммунизма, Зиновьев уделяет достаточно много внимания *психологическим качествам* и характеристикам «человеческого материала» (термин Зиновьева), его трансформации и переходу в некое другое качество и состояние, отличные от таковых в предыдущем историческом времени. Так, он выделяет феномен формирования *некоего психологического типа* «комму-

няк» – людей, сформированных социальными условиями советского строя. Социальные условия русского коммунизма вырабатывали такие свойства, как «неприхотливость, хамелеонство, склонность к халтуре и очковтирательству, склонность к холуйству перед властями, уверенность в будущем, устойчивость жизненных линий, низкий уровень предприимчивости и способности к риску и т. п. В одних и тех же индивидах могли уживаться противоположные качества, проявляющиеся в зависимости от обстоятельств. Это, например, способность на самоотверженные поступки и трусость, надежность и способность на предательство» [2, с. 70]. Зиновьева особенно возмущало такое свойство некоторой части русской «идеологении» (термин Зиновьева), как предательство. Часть привилегированной элиты, писатели, академики, политики, люди культуры, в 90-е гг. изображали из себя жертв режима, будучи щедро вознагражденными этим режимом почестями и наградами, квартирами и дачами, закрытыми распределителями [2, с. 49]. Зиновьев просит отличать коммунистов от коммуняк. Их различия: 1) во времени возникновения: коммунисты возникли раньше, коммуняки – как исторический плод нового коммунистического строя; 2) по их роли в исторической действительности: коммунисты совершили революцию и строили коммунизм, коммуняки зародились после революции, стали множиться и зреть, и выгодно пользоваться преимуществами и результатами коммунизма; 3) коммунисты были идеологами построения коммунизма, коммуняки социальными потребителями и приспособленцами. Именно коммуняки

стали постепенно богатеть, обрывать привилегиями и имуществом, овладевать реальной властью во всех сферах советского общества. Коммуняки лишь имитировали коммунистов, но не были идейными убежденными коммунистами. Зиновьевым с сожалением отмечается *общая атмосфера лжи как нравственного качества*, пронизавшего всю советскую жизнь периода русского коммунизма.

Таким образом, Зиновьев связывает проявление феномена русской идентичности периода русского коммунизма с несколькими свойствами и характеристиками: с *особой «сродностью»*, в некотором смысле, *однородностью* русской идентичности с коммунизмом как неким воплощением идеала социальной справедливости и социальной гармонии, с её устремленностью в райское коммунистическое будущее, с необычайной способностью к историческому творчеству, перерабатывающему любую идеологию по-своему, и при этом с особой объективной и исторически судьбоносной одаренностью русского народа, обогатившей мировую историю опытом реализации колоссального интеллектуального и творческого потенциала на пути нового направления социальной эволюции человечества, с особыми социальными условиями советского образа жизни, где впервые в мире было фактически построено социальное (социалистическое) государство. Период русского коммунизма давал особое психологическое состояние: «детскую беззаботность в настоящем и взрослую уверенность в будущем» [2, с. 36].

Новая организация *плановой экономики* дала не только возможность

сосредоточения огромных материальных и людских ресурсов для осуществления грандиозных промышленных и военных проектов, но также продемонстрировала возможность работоспособности при определённых условиях и на определённый исторический срок социальной экономики, которая подчиняет принцип рентабельности принципу социальной оправданности. Именно качество русской идентичности в стремлении расположить иерархию ценностей с приоритетом социального и идеального над прибыльной экономикой как таковой исторически осуществило такой принцип организации. Опыт построения первого в мировой истории коммунистического общества, опыт нового эволюционного исторического пути, который стал образцом не только для многих народов планеты, но заставил во многом измениться и западный путь развития, засвидетельствовал качественно свойственное русской идентичности мировое цивилизационное влияние.

При этом русская идентичность показала и сильное тяготение к консервативным качествам сохранения сильной централизованной государственной власти. Это свойство русской идентичности подтверждается также и многими историческими фактами инициирования смены режима «сверху». Из консервативных начал, присущих русской идентичности, Зиновьев отмечает традиционное для неё явление коллективизма, не только сохранившееся, но и приумноженное в советской России (СССР). Все условия новой советской действительности (идеологические, государственные, экономические, политические и др.) стимулировали существование и ут-

верждение коллективной формы социальной организации. *Единовластие и единство русского народа*, неоднократно проявленное в русской истории и показавшие себя как стержень жизнеспособности русской идентичности, явились, по мнению А. Зиновьева, одной из главных мишеней Запада в разрушении России (СССР). Тотальную приватизацию крупных экономических активов Зиновьев относит именно к осуществлению этой задачи: разрушение единства русского народа и единовластия. Зиновьевым также отмечен феномен «будничности» коренного перелома в векторе развития России в 1991–1993 гг., как когда-то в 1917 г. [6], который, по его мнению, свидетельствует о неистребимом качестве русской идентичности: *о доверии к власти и надежде на то, что «кто-то спасет их от обрушившихся на них бед»* [2, с. 45].

К природным психологическим недостаткам русской идентичности Зиновьев относит детскую доверчивость, расположенность к обману, незащищённость от западных заклинаний и мантр о страшной в мировой истории трагической судьбе русского народа, недостаточность здравого смысла, мужественного ума и характера. Слабость русской идентичности, по Зиновьеву, выразилась также в тщеславии, славомании, в неумении отделять зерна собственного положительного исторического опыта от пустых плевел насаждаемых западных идеалов, в неумении находить золотую середину и свой путь [7, с. 157]. Защищая идеальный коммунизм, Зиновьев отмечает, что *реальный коммунизм одним из важнейших своих качеств, к сожалению, продемонстрировал ложь, прони-*

завшую всю советскую жизнь периода русского коммунизма. Притянутость и расхождение идеологических клише с реальной действительностью запустили многие «ложные» процессы в русском коммунизме: карьеризм и приспособленчество, стремление выдавать желаемое за действительное, воровство, приписки, скрытую и явную борьбу всех против всех. Нараставшие внутренние проблемы, требовавшие внутреннего и трезвого взгляда

и решения, упорная психологическая и информационная борьба Запада с СССР предопределили усиливавшийся кризис русского коммунизма и в очередной раз изменили вектор развития страны.

Однако «русский коммунизм» как исторический феномен явился уникальным опытом проявления, развития, приобретений и уроков как для русской идентичности, так и для истории всего человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А.А. Логическая социология [Электронный ресурс] // Alexander Zinoviev: [сайт]. URL: <http://www.zinoviev.ru/rus/text2logic.pdf> (дата обращения: 29.09.2017).
2. Зиновьев А.А. Русская трагедия [Электронный ресурс] // Крокус: [сайт]. URL: <http://croquis.ru/Zinoviev-Russkaya-tragedija> (дата обращения: 29.09.2017).
3. Кара-Мурза С.Г. Сборка народа как условие восстановления державы. // Национальная идентичность России и демографический кризис: материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 20–21 октября 2006 г. М.: Научный эксперт, 2007. С. 162–168.
4. Песоцкий В.А. Художественная литература и идеология: основные характеристики их взаимодействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2008. № 2. С. 52–71.
5. Песоцкий В.А. Художественная литература и идеология (Природа и сущность идеологии, идей, идеалов и принципов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2008. № 2. С. 36–51.
6. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени [Электронный ресурс] // Библиотека «Веги»: [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html> (дата обращения: 29.09.2017).
7. Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. Руководящие идеи русской жизни // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения / сост. Е. Троицкий. М., 1995. С. 152–162.

REFERENCES

1. Zinoviev A.A. [Logical Sociology]. In: *Alexander Zinoviev*. Available at: <http://www.zinoviev.ru/rus/text2logic.pdf> (accessed: 29.09.2017).
2. Zinoviev A.A. [The Russian Tragedy]. In: *Krokus*. Available at: <http://croquis.ru/Zinoviev-Russkaya-tragedija> (accessed: 29.09.2017).
3. Kara-Murza S.G. [The Assembly of People as a Condition for Power Restoration]. In: *Natsional'naya identichnost' Rossii i demograficheskii krizis: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 20–21 oktyabrya 2006 g.* [National Identity of Russia and Demographic Crisis: materials of All-Russian Scientific Conference, Moscow, October 20–21, 2006]. Moscow, *Nauchnyi ekspert Publ.*, 2007, pp. 162–168.
4. Pesotskii V.A. [Literature and Ideology: the Main Characteristics of Their Interaction]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2008, no. 2, pp. 52–71.

5. Pesotskii V.A. [Literature and Ideology (The Nature and Essence of Ideology, Of Ideas, Ideals and Principles)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2008, no. 2, pp. 36–51.
 6. Rozanov V.V. [Apocalypse of Our Time]. In: *Biblioteka «Vekhi»* ["Milestones" Library]. Available at: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html> (accessed: 29.09.2017).
 7. Tikhomirov L.A. [The Reform of the Updated Russia. The Leading Ideas of Russian Life]. In: *Russkaya natsiya: istoricheskoe proshloe i problemy vozrozhdeniya* [The Russian Nation: History and Problems of Rebirth]. Moscow, 1995, pp. 152–162.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимошин Александр Сергеевич – аспирант кафедры философии Ульяновского государственного технического университета;
e-mail: lagger-2@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timoshin Alexander S. – postgraduate student at the Department of Philosophy, Ulyanovsk State Technical University;
e-mail: lagger-2@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тимошин А.С. «Русский коммунизм» как поиск русской идентичности (к 100-летию Русской революции) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 88-99
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-88-99

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

Timoshin A.S. "Russian Communism" As a Search for Russian Identity (To the 100th Anniversary of the Russian Revolution). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 88-99
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-88-99